

СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Т. В. Анникеева (Минск, Беларусь)

ЗНАКОВОСТЬ И СЕМИОТИЧНОСТЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются вопросы установления знакового и семиотического статуса прецедентного явления. Раскрывается характер прецедентного явления как средства освоения и использования в реальной жизни продуктов художественного, интеллектуального, социального осмысления действительности и символа, конденсирующего культурный опыт языкового сообщества. Анализируется проблема установления референциальных отношений прецедентных единиц современного художественного текста.

Ключевые слова: прецедентный феномен, семиотика, символ, референциальность.

Научно-технический прогресс, постоянно усложняющаяся специфика окружающего человека пространства и усиление информационной нагрузки представляет собой сферу, все более сложную для категоризации и дальнейшего лингвистического осмысления. Мир, окружающий человека, порождает и воспроизводит значительные объемы информации, что приводит к потребности ее освоения и закрепления в человеческом опыте. В лингвистике направлением, изучающим общее в строении и функционировании различных знаковых систем, является семиотика. Семиотические системы обладают способностью «хранить и передавать информацию, будь то системы, действующие в человеческом обществе (главным образом язык, а также некоторые явления культуры, обычаи и обряды, кино), в природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (например, зрительное и слуховое восприятие предметов; логическое рассуждение)» [1, с. 441]. Понимание языка как семиотической системы, позволяющей проводить процедуру означивания явлений и предметов окружающей действительности, приводит к необходимости осмысления сущности объектов данной системы и способов их актуализации в структуре современного научного знания. Центральным понятием семиотики является знак, исходный или элементарный, в качестве которого рассматривается любой объект, замещающий другой объект, не разделяющийся на более мелкие семиотические компоненты [2, с. 63]. В связи с осознанием семиотической системы как знакового образования, целесообразно обратиться к рассмотрению понятия лингвистического знака и его отношения к объектам внутри- и внеязыковой действительности. Знаком является целое, состоящее из противопоставленных друг другу означающего и означаемого [3, с. 134]; знак, или репрезентация, выступает условным средством-посредником между вещью и разумом (*mind*), передающим «идею о вещи» [4, с. 89]. В случаях, когда наличествует некое соотношение выражения и содержания, являющееся конвенциональным, часто говорят о символической функции и символах [5, с. 191]. С общесемиотической точки зрения утверждается, что современные подходы к определению языкового знака в целом базируются на его понимании как минимального элементарного объекта, когда «за основу берется простейший, атомарный элемент, и все последующее рассматривается с точки зрения сходства с ним» [Там же]. Слово или изображение являются символическими, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение

[6, с. 25–26]; в то время, как естественный знак представляет собой определенный предмет, образ отражает референт, а слово описывает, символ может быть приложен к любому предмету или группе предметов, чтобы закодировать их по правилам своей системы [7, с. 104–105]. Символизм подразумевает значение, не подлежащее выведению из контекста непосредственного опыта [8, с. 564]. Символические образования связаны с культурным пластом человеческой цивилизации; символ имеет глубоко архаическую природу, имея возможность на протяжении истории хранить в свернутом виде «мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива» [5, с. 191–193]. В символе устойчив образ, выполняющий семиотическую функцию означающего некоторого смысла, «символ не имеет четких контуров, могучее, находящееся в постоянном движении содержание все время как бы выплескивается за рамки формы» [9, с. 248]. «Экспрессивно-образная семантика символа как языковой единицы на симультанном уровне формируется пространственно-образным мышлением, но не сенсорно-перцептивного типа, а лингвокреативного, совмещающего в себе адгерентные и ингерентные ассоциации» [10, с. 119].

Знаковые системы являются по своей природе диалогичными; взаимодействуя друг с другом в пространстве и времени, они работают с опорой друг на друга. Культура при этом также представляет собой «сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в тексте» и образующий их сложные переплетения» [11, с. 72]. Таким образом, культурную память можно понимать как форму трансляции и актуализации культурных смыслов с помощью знаковых языковых средств. Одновременно культурная память может служить обобщающим названием для всего «знания», которое управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом и которое подлежит повторяющемуся из поколения в поколение повторению и заучиванию [12, с. 54]. Подобные знаки, имеющие, с одной стороны, языковую форму, являющиеся коллективным достоянием и наполненные культурно-обусловленным содержанием, формирующимся на основе эмоционально-образного восприятия действительности, носят название прецедентных феноменов. Под прецедентным феноменом в данном случае понимается являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена в условиях определенной культуры [13, с. 21].

В теории о знаках особо выделяются знаки-подобия, выполняющие функцию передачи идей и репрезентирующие вещи на основе их подобия [4, с. 89–90]. При этом оговаривается, что существует вид подобий, не направленных на точное воспроизведение описываемого объекта, а представляющих собой единицы непрямой референции, задействующие в качестве настоящего десигната качество или признак объекта. Такой знаковый тип характерен для прецедентных имен, используемых автономно или имеющих вербализованный признаковый компонент в составе прецедентной ситуации: *«Господи, и чего строить из себя «железного Феликса», коли ты весь соткан из переливистых изменчивых переживаний и настроений и похож на ночного мотылька, залетевшего из ночи на обманчивый свет»* (В. Личутин «Беглец из рая»).

Наряду с прецедентными именами, культурно-обусловленный символический характер носят прецедентные образы, высказывания и ситуации: *«У «воспоминания» была музыкальная подкладка, сплетенная из многих*

мелодий и голосов. Там угадывались *«Прекрасное далёко»* и *«Крылатые качели»*, белая медведица пела колыбельную Умке, бархатным баритоном, Трубадур воспевал *«луч солнца золотого»*, трогательный девичий голос просил оленя умчат в волшебную оленью страну: *«Где сосны рвутся в небо, где быть живет и небыль»* (М. Елизаров «Библиотекарь»). Способность данных единиц, с одной стороны, аккумулировать в себе культурно-значимую информацию и, с другой стороны, иметь вербализуемый прецедентный облик, опирающийся на устойчивую эмоционально-образную составляющую, является ключевым фактором, обеспечивающим успешность их функционирования.

Особо выделяются условия, необходимые для интерпретации прецедента, обладающего символическим характером. Для этого подчеркивается необходимость обладания двум разновидностями опыта для работы со знаковыми структурами: не только непосредственного опыта, но и способности к опыту, которую имеет человек, и эта способность необходима не для того, чтобы подобию были проинтерпретированы, а для того, чтобы они вообще могли быть представлены сознанию. «Когда люди с опытом и без опыта встречаются какого-нибудь человека и наблюдают одни и те же его особенности, человеку с опытом они указывают на целую историю, тогда как неопытному не говорят ничего» [4, с. 92]. Подобную компетенцию, которой должен обладать реципиент, можно назвать интертекстуальной, когда опытный реципиент имеет возможность на основе сформированного механизма определить и подвергнуть истолкованию заимствованный фрагмент.

Онтологической особенностью прецедентного феномена является тот факт, что прецедент предстает как эмоционально-образная «свертка», сложный образ, необходимо включающий в себя в том числе и оценки, предопределяемые иерархией ценностей культуры [13, с. 21]. В данном положении отражена одна из самых существенных характеристик семиотической системы, в которой отражается ее кумулятивный характер: элементы нового знания способны соотноситься, аккумулироваться с уже накопленными знаниями (информацией), а каждый новый элемент – получать «точный «адрес» (занимать свое место в системе, адаптироваться к ней) благодаря своей внешней форме через синтагматические и парадигматические связи [1, с. 441]. Синтагматическая адаптация в достаточной степени известного прецедентного явления, как правило, ведет к приобретению им нарицательного характера: *«Закончился балет, опустили занавес, народ поспешил в гардероб. Русская народная традиция требует убежать отовсюду как можно скорее, максимально суетясь, панически создавая **ходынку** на ровном месте»* (А. Филимонов «Рецепты сотворения мира»). Тем не менее, прецедентные средства, в том числе, и приобретшие статус нарицательных, могут сохранять формальный и графический облик, что предполагает сохранение их связи с текстом-источником: *«И вот последняя укатила в Америку. Все от меня подальше, никому я не нужен. А я ведь еще молодой – мне шестьдесят два. Я еще – ого-го! – Да ты, оказывается, у нас **Синяя Борода** и многоженец...»* (В. В. Личутин «Беглец из рая»). Подобные примеры подчеркивают знаковый характер явления, заключающийся в том, что языковой знак в единстве со значением «хранится в теле человека общающегося и становится знаком только в общении, где присутствуют интерпретаторы-носители значений», что подчеркивает творческую роль интерпретатора не только в отношении семантической стороны, но и репродукции прецедентных единиц [14, с. 26].

Для теории прецедентности особое значение имеет такая характеристика знака, как его динамика, находящая свое отражение в асимметрическом дуализме, согласно которому означающее и означаемое постоянно скользят по «наклонной плоскости реальности», каждое из них выходит за рамки, определенные его противоположной частью: означающее стремится к новым означаемым в силу смысловой вариативности, а означаемое – к новым означающим [15, с. 90]. Процесс семиозиса – порождения знаков, или выбора «тела знака» для того или иного ментального содержания, можно описать с помощью теории символических (или превращенных) форм. Символические формы предстают в виде отдельных «культурных предметов» или целых материальных структур, наполняемые «функцией духа» – интеллектуальным содержанием. Такие формы обнаруживаются в разных «модусах»: в языке, мифе, искусстве, религии, научном познании. Символы же, в которых отдельные дисциплины рассматривают и описывают действительность, представляют различные выражения одной и той же «фундаментальной духовной функции», это каждая отдельная энергия духа, посредством которой наличному бытию придается определенное «значение» – своеобразное идеальное содержание [16, с. 15]. Представляется, что прецедентный феномен, имеющий номинативную природу, реализует стремление к обретению новых означаемых вариативности через контекстно обусловленное отражение его семантических признаков.

Отдельной проблемой для исследования сущности прецедентного феномена представляется проблема референции. Отмечается, что в философии и лингвистике традиционно проведение различия между «значением» и «референцией». В абстрагировании от значения как совокупности семантических характеристик и признаков, слова или референциальные выражения используются для обозначения различных объектов – отдельных предметов, свойств, отношений и фактов (истинностных значений) в некотором возможном мире. В то время, как обозначаемый с помощью языка мир не является когнитивно-релевантным, текст является репрезентацией того фрагмента мира, который уже опосредован человеческим сознанием, где многое из этого фрагмента остается недоговоренным в тексте, главным образом потому, что слушатель уже многое знает об этом. С другой стороны, главная (семантическая и прагматическая) функция текста состоит в получении знания [17, с. 178–179]. Отмечается, что цитата как наиболее общее основание для интертекстуальных включений, обладает автономным статусом, то есть предполагает референцию не к миру, а к тексту [18, с. 101]: *«Земля под крылом самолета была пуста и безвидна, от Чукотки до Байкала. Дима проносился над ней, как дух божий. Это нахальное сравнение часто приходило ему на ум во время долгого полета. Он и вправду так себя чувствовал, этот пацан за штурвалом: как молодой бог, еще не отдавший команду да будет свет»* (А. Филимонов «Рецепты сотворения мира») / *«Никогда Знаева не тянуло к военным людям. Все-таки он был музыкант, блюзмен, рокер, то есть – пацифист. Хиппи. Лозунги Джона Леннона – «Дайте миру шанс», «Занимайтесь любовью, а не войной» – в юности были ему много ближе, чем весь бронзовый грохот военно-патриотической машины Советского Союза»* (А. Рубанов «Патриот»). Психологической базой цитации является языковая (семантическая, вербальная) память говорящего, хранящая все усвоенные человеком тексты – культурно опосредованную информацию о мире.

Рассмотрение определенных видов прецедентных явлений и анализ основных подходов к определению семиотических единиц позволяют сделать выводы относительно онтологических характеристик прецедента, его референциальных свойств, отношений между понятиями знака и символа. Прецедентный феномен представляет собой особый вид языковых знаковых средств с актуализируемым иконическим и символическим компонентом. С одной стороны, реализация прецедентного имени как знакового образования может осуществляться на основе подобия особого типа, действующего в качестве настоящего десигната качество или признак объекта. Подобно символу, прецедент обращается одной из своих сторон к образу, кумулятивно отражающему фонд национально- и культурно-детерминированных знаний и представлений. Помимо кумулятивности его характера, соотносительность прецедентного феномена с текстом-реципиентом формируется на синтагматическом уровне, что предполагает его включенность в окружающий контекст. Референциальной особенностью прецедентных феноменов, базирующихся на общем приеме цитации, является установление отношений не к миру как непосредственной внеязыковой реальности, а к тексту, понимаемому как результат и источник семиотических заимствований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Пирс, Ч. С. Начала прагматизма / Ч. С. Пирс. – СПб.: Алетейя, 2000. – 352 с.
3. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр: под. ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина, Т. Де Мауро. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. – 432 с.
4. Пирс, Ч. С. Что такое знак? / Ч. С. Пирс // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7). – С. 88–95.
5. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман. – Избранные статьи. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 191–199.
6. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 343 с.
7. Соломоник, А. Б. Семиотика и лингвистика / А. Б. Соломоник. – М.: Молодая гвардия, 1995. – С. 104–105.
8. Sapir, E. Selected writings in language, culture and personality / E. Sapir. – University of California Press, 1949. – 617 p.
9. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с.
10. Романовская, А. А. Античная символика и ее семантико-прагматические функции в современном художественном тексте / А. А. Романовская. – Минск: МГЛУ, 2013. – 308 с.
11. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство СПб, 2010. – 704 с.
12. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: пер. с нем. М. М. Сокольской. / Я. Ассман. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
13. Красных, В. В. Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 4–38.
14. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира: сб. статей, отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: 2000. – С. 24–32.
15. Карцевский, С. О. Об ассиметричном дуализме языкового знака / С. О. Карцевский // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – 496 с.
16. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. – Т. 1. Язык. – М.: Ун. книга, 2002. – 272 с.
17. Дейк, ван Т. А., Кинч, В. Стратегия понимания связного текста / Т. А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153–211.
18. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – Омск: Омский государственный ун-т., 1999. – 268 с.

The article deals with the issues of establishing the sign and semiotic status of a precedent phenomenon. The article has revealed the nature of the precedent phenomenon as a means of the products of artistic, intellectual, social understanding of reality and a symbol that condenses the cultural experience of the linguistic community. The problem of establishing referential relations of precedent units of a modern literary text is analyzed.

Key words: precedent phenomenon, semiotics, symbol, referency.